



Автор - Татьяна Баракина, Люберцы (Россия).

Зимнее

Зима... Куда ни глянь, белым-бело,
А на снегу следов косые строчки -
До крыш деревню за ночь замело.

Сын клеит танк - серьёзен, озабочен -
Не выманишь гулять и калачом.
Цыган седой ножи усердно точит,

Ему как будто холод нипочём -
Сидит и оселком неторопливо:
Вжик-вжик, шварк-шварк. Да дёргает плечом.

Соседки все на улице... Не диво -
Ножи-то каждой надо наточить -
Ну вот и ждут. Стоят у старой ивы,

Привычно тянут сплетен вечных нить:

"А Машка с одноногим агрономом...
Ей-богу!" "Врёшь!.." И ну судить-рядить...

Как всё вокруг до чёрточки знакомо...
Замёрзли и дрожат, обнажены,
Берёзы возле дедовского дома...

...И показалось вдруг, что нет войны...

Из воспоминаний деда

Снег завалил дома до самых крыш -
Зима и ночь... Метель всё длится, длится...
Я, вспоминая имена и лица,
Смотрю в огонь. В углу скребётся мышь...

Сосед Серёга - рыжий паренёк -
Мы в сорок третьем с ним на фронт сбежали
И ночевали вместе на вокзале.
Он мне забраться в эшелон помог.

Антип - седой, ворчливый старшина -
Ругался в части: "Глупые мальчишки!"
Давно он знал войну не понаслышке -
И нам досталось от неё сполна

И холода, и грязи, и огня,
Визжащих пуль, тяжёлых переходов...
Был бой. Удар - и содрогнулся воздух,
А я упал в траву, врага кляня.

Танюша, фронтовая медсестра -
Худая, невысокая девчонка -
Меня тащила, повторяя тонко:
"Держись, родной! Не время умирать!"

Нас не скосил войны свинцовый шквал,
А мы хребет сломали ей, проклятой.
Вот я девятый разменял десяток
Но помню тех, с кем вместе воевал.

Грустный сонет

Я шила гобеленовым стежком
Судьбу по грубой жизненной основе.
Сначала это дело было внове —

Я радовалась, только вот потом

Устала... И ложиться вкривь да вкось
Стежки узора постепенно стали,
Остались недовышиты детали,
А полотно основы порвалось...

Смотрю на отражение своё
И думаю: Когда же до краёв
Наполнится невидимая чаша

И выплеснется брызгами беда?
Что делать мне останется тогда?
Гаданию конец – огонь погашен...

